

Но раз рядом был Байли Сюнь, и в сердце появился тот, кто важнее и ожиданее всех прочих, он не желал быть человеком, опутанным злобой и недовольством.

Даже такой холодный и отстранённый, как Юэхэ, в устах Байли Сюня стал родным.

Дело было не только в загадочности Угуя и желании воскресить Юэхэ; у него также были слова, которые он хотел сказать своему наставнику. Ведь, как говорится, мертвым следует воздавать почести. И если бы тот ожил, у Вань Чаоюаня было много вопросов, на которые он хотел бы получить ясные ответы.

Ещё минуту назад спокойное море вдруг вздыбилось, подгоняемое свирепым ветром, словно намереваясь поглотить все три острова разом. Земля под ногами стала зыбкой, и даже те, кто был защищён внутренней силой, ощущал это, не говоря уже о простых жителях острова.

Однако никто не выбежал наружу в панике.

Нет, возможно, на этом острове изначально не было людей.

Байли Сюнь оглянулся. Поля были засохшими, дома — ветхими, без малейших признаков жизни. С самого начала это место казалось им идиллическим уголком, но, возможно, подобная идиллия существует лишь в сердце.

Верить — значит, есть; не верить — значит, нет.

В одно мгновение не только остров Наньюнь, но и Угуй, и даже Вань Чаоюань стали призрачными. В бескрайнем мире казалось, что остался только он один.

— Сюнь!

Кто-то звал его, и голос звучал тревожно. Он закрыл глаза, а затем открыл вновь. Всё оставалось прежним: идиллия была всё той же идиллией, а остров Наньюнь — островом Наньюнь.

Звал его Вань Чаоюань.

Он был здесь.

Байли Сюнь наконец пришёл в себя, моргнул, убедившись, что это реальность, а увиденное — лишь иллюзия.

— Где предок Угуй? — Он огляделся по сторонам, но нигде не увидел старца. Ведь всего секунду назад они разговаривали с ним.

— Уже ушёл, — Вань Чаоюань помог ему подняться и пощупал пульс. — Он ушёл, я позвал тебя с собой, но ты не ответил и потерял сознание.

Но пульс Байли Сюня был странным, и Вань Чаоюань невольно нахмурился.

— Твоя внутренняя сила...

Ах, да. Она должна была уходить. Байли Сюнь ещё никому не говорил об этом, но его внутренняя сила медленно утекала. Хотя и медленно, но однажды она исчезнет полностью.

— Сюнь, какую технику ты практиковал в этом году?

Какую технику? Получив удар деревянным мечом, что он мог практиковать?

— Просто упражнялся в методике, которую дал Учитель. — Это была та самая методика успокоения сердца.

— Почему твоя внутренняя сила резко возросла?

Возросла? Байли Сюнь тоже был озадачен. Он постоянно беспокоился о том, что его внутренняя сила исчезает. Он чувствовал, что она утекала, и его дантянь, снабжая тело энергией, одновременно медленно терял её.

Это напоминало математическую задачу: если в бассейн одновременно наливают воду и выливают, когда же он наполнится?

Но это была реальность, и его внутренняя сила не могла бесконечно восстанавливаться. В конце концов, она исчезнет полностью. Тогда он станет простым смертным или, возможно, его тело не выдержит, и он умрёт.

Но в прошлый раз Шимей тоже не заметила ничего странного, и, вероятно, для Вань Чаоюаня это было так же. Поэтому он просто сказал:

— Возможно, я постиг её сокровенный смысл.

Вань Чаоюань, казалось, не верил этому объяснению, но не мог найти более подходящего.

— Покажи мне методику, я посмотрю.

— Она у меня в сердце.

Честно говоря, носить с собой методику было небезопасно. С тех пор как он покинул горы, с ним случалось слишком многое, и он не раз оказывался в сложных ситуациях, спасаясь бегством. Методика давно потерялась где-то в пути.

Но он и не совсем лгал. Он действительно постиг некоторые аспекты, по крайней мере, мог воспроизвести её положения наизусть. Но если следовать только этим правилам, он никогда не достигнет высшего уровня. Даже выйдя за их рамки, он всё ещё не мог постичь весь смысл.

Возможно, если он постигнет его, то сможет выйти за пределы трёх миров.

Слишком фантастично.

Не стоит верить.

Вань Чаоюань не стал спорить с Байли Сюнем. Раньше тот любил шутить, и в последнее время, не слыша его шуток, Вань Чаоюань чувствовал некий дискомфорт. Теперь, подумав, он решил, что ничего серьёзного не произошло.

Он просто подхватил Байли Сюня на руки. Тот хотел сопротивляться, но внутренняя сила в его теле колебалась, и если бы он стал вырываться, Вань Чаоюань заметил бы что-то неладное. Лучше просто расслабиться и позволить себе немного лениться, ведь его объятия были такими же тёплыми, как и раньше.

Более того, желание, однажды возникнув, укореняется и растёт бесконечно. Получив исполнение одного желания, ты хочешь следующего.

Но объятий было недостаточно. Байли Сюнь поднял руку и положил её на талию Вань Чаоюаня, желая крепко обнять его, но боясь, что это помешает ему идти. В итоге он лишь слегка коснулся его, и это было как маленький шаг навстречу желанию, но он почувствовал радость, словно получил подарок.

— Брат Чаоюань, — тихо пробормотал он, уткнувшись в грудь Вань Чаоюаня.

Тот мягко промурлыкал в ответ, ожидая продолжения.

— Шифу тоже так тебя называет. Я хочу придумать имя, которое будет принадлежать только мне.

Вань Чаоюань хотел сказать, что сейчас Да-шисюн называет его «господином», и только Байли Сюнь мог называть его братом. Но если бы это было только братство, оно бы его не удовлетворило. Поэтому он просто сказал:

— Хорошо.

Байли Сюнь задумался, словно это был очень важный вопрос.

— А как насчёт Эргоу?

— ... — Байли Сюнь не поднял глаз, но если бы поднял, то непременно увидел бы, как на лице Вань Чаоюаня пробежала едва заметная тень. — Раз так, то весьма неплохо.

Байли Сюнь рассмеялся, прижавшись к груди Вань Чаоюаня, и его смех был искренне счастливым.

Вань Чаоюань подумал, что если такое имя сможет вызвать у Байли Сюня хорошее настроение, то оно того стоит, и тоже рассмеялся.

Волны у берега стали мягче, словно присутствие влюбленных окутало всё вокруг особой атмосферой. Ночной ветерок стал нежным, словно чья-то рука, скользкая мимо них и разделяющая их радость.

Байли Сюнь хотел, чтобы этот путь длился вечно. Насмеявшись, он продолжил:

— Мне кажется, ты никогда не говорил мне о своих чувствах. Что ты думаешь? Какое место я занимаю в твоём сердце?

Чувства Вань Чаоюань раньше были на языке. Если в сердце было три части любви, то на словах она превращалась в десять. Но когда в сердце стало десять частей, на словах он не мог произнести и одной.

— Ты для меня незаменим. Ты очень важен.

Такие слова звучали скучновато, но Байли Сюнь предпочёл бы услышать эти банальные и старомодные признания, чем легкомысленные фразы.

Потому что они шли от сердца.

Байли Сюнь тихо рассмеялся.

— Не буду звать тебя Эргоу. С сегодняшнего дня буду звать тебя Тяньтянь.

Когда они вернулись, было уже поздно. Сегодня жители острова легли спать позже обычного, ведь завтра им нужно было рано встать. Дети тоже не отличались выносливостью, и Юань Юнь, долго ждавший Байли Сюня, в конце концов уснул с Су Юем.

Поэтому Байли Сюнь придумал для себя хорошее оправдание — чтобы не беспокоить других — и позволил Вань Чаюаню отнести его в комнату, а затем и остаться там же.

Всё это происходило потому, что ветер был приятным, а ночь — прекрасной. Всё шло своим чередом, по воле Неба.

Он позволил себе быть немного более жадным.

Угуй сказал, что они не ошиблись местом, но жители острова ничего не знали о Бэйюнь. Им нужно было решить, оставаться ли здесь.

Но только Угуй знал правду, поэтому решение оставалось за ним.

Хотя они не хотели тратить время впустую, честно говоря, тело Наставника Сюаньшуана всё ещё лежало в горах. Если оставить его там надолго, оно начнёт разлагаться. Байли Сюнь чувствовал, что говорить об этом было неуважительно, но Угуй, казалось, вовсе не беспокоился о том, где находится тело учителя. Это заставляло его задуматься: не шутит ли Угуй с ними?

Проведя некоторое время с Угуем, терпение Байли Сюня было на исходе. Люди, которых он знал, не питали к Угую особой симпатии, дети боялись его, и после нескольких дней на острове Нанюнь Байли Сюнь в гневе отправился на переговоры с Угуем!

Ох, какие у меня странные причуды. (Всё зачеркнуть)

<http://bllate.org/book/17723/1656692>